

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА В РАССМОТРЕНИИ Е. А. СОЛОВЬЕВА (АНДРЕЕВИЧА)

О книге Е. А. Соловьева (Андреевича)
«Опыт философии русской литературы. Избранные труды».
М.: Модест Колеров, 2020. 576 с.
(Исследования по истории русской мысли. Т. 25)

Анастасия Алексеевна Никушина

Студент 4 курса Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук.

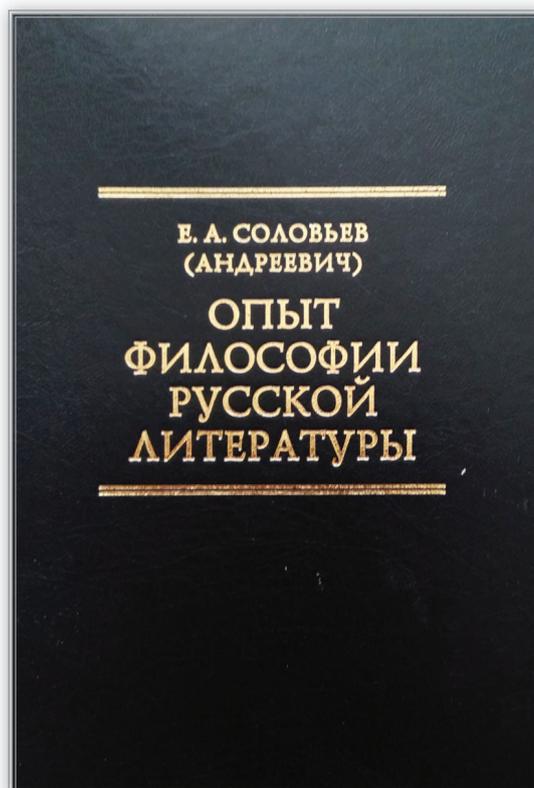
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-250-253

Книгу Е. А. Соловьева (Андреевича) «Опыт философии русской литературы» едва ли можно назвать новой. Ее первое издание вышло еще в 1905 году, когда писатель предпочел скрыться под псевдонимом Андреевич. Тогда она оказалась преждевременным образцом нового языка литературоведения, на котором впоследствии будут писать исследователи в СССР. Сейчас, при чтении нового издания труда Е. А. Соловьева, текст представляется несколько устаревшим, поскольку за прошедшее время он был основательно усвоен исследовательской традицией и потому знаком читателю загодя.

Впрочем, тот взгляд, который транслируется Соловьевым (Андреевичем), не кажется наскучившим. Напротив, благодаря аргументированности и адекватности он представляет особенный интерес. Автор излагает свою версию генезиса русской литературы XIX века, которая ныне воспринимается как вполне адекватная и выстроенная. Тем не менее имя Е. А. Соловьева нечасто упоминалось советскими литературоведами.

Среди известных Соловьевых Евгений Андреевич незаметен. Историк и филолог, которому прочили академический успех, спился, работая сибирским учителем, то ли от отчаяния, то ли от скуки. Его имя было забыто. Новое переиздание его главной книги — шанс заново открыть и самого критика. Чем интересен текст современному исследователю и, что также важно, каков этот исследователь?

В первую очередь книга представляет литературоведческую ценность: она будет интересна филологам и историкам литературы. Текст не только компилирует предыдущие работы автора, посвященные биографиям и произведениям русских мыслителей и писателей, но и вбирает свидетельства других критиков, историков, деятелей XIX века. Таким образом, книга представляется важным историко-культурным артефактом, причем не только для литературоведов, но и для историков. Нельзя исключить и философскую составляющую «Опыта...». Соловьев (Андреевич) создает, с одной стороны, историко-философский текст о развитии идей немецкого идеализма на почве русской мысли, а с другой — дает самостоятельную интерпретацию процесса чтения Г. Гегеля и Л. Фейербаха соотечественниками. Кроме того, как указывает во вступительной статье М. В. Михайлова, текст Соловьева (Андреевича) можно рассматривать как первый прецедент применения марксистского понятийного аппарата к литературным феноменам и персоналиям. Наконец, книга интересна и сама по себе. Ход мысли автора нельзя назвать тривиальным. Текст — и это расценивается нами как его достоинство — побуждает отечественного читателя к диалогу и спору. Мы рискнем предположить, что более чем столетней давности труд сможет и в нынешнее время вызвать у читателя чувство причастности, узнавания себя в вырисовываемом типе русского человека. Таковы ли мы сегодня? Были ли такими раньше?

Современное издание книги включает в себя не только «Опыт философии русской литературы» (1905), но и более раннее предисловие к нему, схожее с «Опытом...» по содержанию, — «Очерки из истории русской литературы XIX века» (1902). В них автор уже обозначил те сюжеты, которые позднее развил в «Опыте...», дополнив, впрочем, тему народничества. Составители современного издания не отступились от авторской логики, разместив критическую «интерлюдия» в начале книги.

Сам текст «Опыта...» можно условно разделить на четыре части: первая создает промарксистскую призму восприятия русской литературы Соловьевым (Андреевичем) (главы 1–2), вторая выводит тип писателя-дворянина (главы 3–4), а третья разрушает этот образ с помощью народнического наступления (главы 5–7). Наконец, восьмая глава книги носит характер суммирующего авторского размышления о будущем русской литературы.

Текст подчинен логике диалектического повествования: «Метод моей книги — диалектический. Он состоит в разъяснении тех противоречий, развитие которых обусловило органический рост нашей литературы» (с. 146). Диалектическое снятие — не только внутренний смысл повествования, но и цель самого текста: упомянутое разделение на четыре части подразумевает разрешение выделенных автором противоречий внутри русской литературы. В чем они заключаются?

В периодизации Соловьева (Андреевича) почти каждое десятилетие истории русской литературы и общественной жизни несет собственный специфический элемент противоречивого построения: «В 30-х и 40-х годах у нас была догма гегелианская, в 60-х — материалистическая, в 70-х народническая, в 80-х индивидуалистическая, в 90-х марксистская» (с. 43). Главы книги описывают перечисленные в предисловии (коим являются «Очерки...») свойственные этим периодам противоречия и догмы, призванные скрыть их разрушительный эффект. Соловьев (Андреевич), впрочем, не держится избранной периодизации как логики текста: в концептуальном описании он то забегает вперед, то возвращается к уже изложенным местам.

Линии парадоксов Соловьев (Андреевич) проводит на протяжении всего повествования, пользуясь персоналиями русской философии и литературы: А. С. Пушкиным, А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Л. Н. Толстым и прочими классиками литературы и публицистики. Именно они становятся акторами диалектического развития, но они же воплощают его противоречивые составляющие. Так, путь Толстого был результатом последовательного «опрощения», то есть отказа от благ и цивилизации — народническо-русофильской практики, призванной, вопреки своей сути, сдвинуть социальный прогресс России с мертвой крепостной точки. Лев Николаевич был баринем, который не хотел отказываться от барства (и это общее место), но как русский интеллигент он желал «расплаты» с народом за все его страдания, а потому и «опрощался» в секте. Весь этот сюжет уже влечет за собой разговор о руссоизме, крепостном праве, народничестве и литературе как знаменателе русской мысли. Подобным образом и выстраивается сложноплетенное повествование Соловьева (Андреевича).

Текст можно назвать несколько неудобным для исследователя: отсутствие исчерпывающих постраничных ссылок и библиографического списка делает исследовательскую работу с авторскими источниками не просто более трудоемкой, но изматывающей. Однако этот недостаток можно отнести ко времени создания оригинального произведения.

Кроме того, заметна некоторая однобокость исследования Соловьева (Андреевича). Его взгляд выделяет лишь те аспекты русской литературы и истории, которые выгодны для подкрепления позиции автора. В частности, личное убеждение в неспособности русской мысли развиваться самостоятельно доказывается несколько специфичной выборкой: «Даже свое собственное народничество мы разработали так плохо с логической стороны (напр., труды Юзова В. В., публицистика Ап. Григорьева и Достоевского и т. д.), что нам было бы стыдно предъявить его Западу в качестве *tastimonium philosophandi*, т. е. свидетельства о способности философствовать» (с. 43). Тем не менее подобные фрагменты, которыми изобилует книга, нельзя однозначно назвать недостатком текста. Напротив, их наличие открывает простор для дискуссий в историко-философском ключе.

Рецензируемая книга не является исключительно прообразом советского литературоведческого текста и представляет не только историческую ценность. Мы надеемся, что эта публикация будет с интересом и благодарностью встречена новым читателем.

**RUSSIAN LITERATURE
OF THE 19TH CENTURY CONSIDERED BY E. A. SOLOVYOV
(ANDREEVICH)**

**Review on Eugene A. Soloviev (Andreevich)
“Essays on philosophy of Russian literature. Selected works”.
Moscow: Modest Kolerov, 2020. 576 p.
(Studies on the history of Russian thought. Vol. 25)**

Anastasiya A. Nikushina
4th year graduate student,
The School of Philosophy and Cultural Studies,
Faculty of Humanities.
National Research University “Higher School of Economics”.
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-250-253